

**ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ:
КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ОСКАРА БРЕНИФЬЕ
«ПРИРОДА ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ»**

А.И. Макаров

доктор философских наук, профессор кафедры философии Волгоградского государственного университета (ВолГУ), г. Волгоград, Российская Федерация

Жанр отдельного самостоятельного комментария сегодня довольно редко используется в научной коммуникации. Однако, он очень полезен для углубления понимания не только комментируемого текста, но и «механики» самого процесса понимания тех тем или проблем, которые есть в комментируемой работе. В средневековых университетах образование строилось на комментировании важных текстов – как правило Библии и книг Аристотеля. Эти книги студенты знали наизусть и поэтому могли сосредоточиться на идеях, стиле и методе профессора-комментатора. Таким образом они наблюдали и миметически перенимали способ понимания и рассуждения о философии. Это была практика реального философствования, то есть это была практическая философия. Именно в этом смысле – как диалог с текстом, с собеседником, с самим собой как рефлекслирующим субъектом, – употребляется термин «практическая философия» в статье Оскара Бренифье «Природа философствования».

Нужно заметить, что в отечественной литературе утвердилось другое понимание понятия «практическая философия»: её понимают либо как этический дискурс [1], либо как «методологические наработки в области практического значения философских исследований» [2, с. 99]. В связи с этим возникла парадоксальная ситуация: практическая философия стала трактоваться исключительно как теоретизирование на этические темы в духе И. Канта, или создание теоретических методологических моделей для научных дисциплин в духе И.Г.Фихте. Оскар Бренифье выступает против такого подхода к понятию практическая философия, когда пишет, что «с нашей же точки зрения, выражаясь кратко, философия – это рефлексия дискурса и самого бытия субъекта, кем бы он ни был, воспитанником детского сада или студентом университета». Таким образом он берется в этой работе определить природу философствования в духе философии диалога, а не в духе классической немецкой философии, хотя и ссылается при этом на Гегеля, а не на М. Бубера, Э. Левинаса или О. Розенштока-Хюсси.

С таким сужением практической философии было бы трудно согласиться, если не брать в расчёт то состояние философствования, к которому оно пришло сегодня, благодаря сложившейся практике преподавания философии в вузах. Когда Оскар Бренифье говорит, что философствование свели к теоретизации, он повторяет мысль Вл. Соловьева о превращении философии в т.н. умозрительную «школьную философию». Вот с этим уже трудно не согласиться: студентам преподают философию как набор концепций, которые нужно запомнить, заучить, зубрить. А

то, что эти концепции иллюстрируют современными реалиями из жизни конкретных наук, не делает эту школьную философию философствованием. Это же замечает О. Долженко, интервьюировавший в 1990-е годы Мераба Мамардашвили, который с ним согласился: «Преподаваемая нам философия была чем-то вроде упорядоченно организованного винегрета категорий. Собственно философии мы не видели и о философах ничего путного, кроме ярлыков, которыми их награждают и которые следовало запомнить, не слышали» [3, с. 15]. Эта «новая схоластика» отличается от средневековой схоластики не в лучшую сторону, так как схоластика XX века – это схоластический дискурс минус изощренные логические упражнения.

Такое преподавание философии в вузах сильно подорвало престиж философствования в глазах студенческой публики нефилософских факультетов. Это произошло по причине изъятия из курсов философии как раз упражнений на развитие философских (общелогических) компетенций. Но основной негативный фактор – это монологизм. Об этом в свое время много писал Розеншток-Хюсси, который ввел понятие «грамматический метод», противопоставив метод диалога монологизму картезианского подхода к вопросу о сущности философствования [4, с. 87]. Подход О.Бренифье наследует именно этой диалогической традиции. Оно определяет философию как рефлексию бытия любого мыслящего субъекта, – «кем бы он ни был по уровню образования, воспитанником детского сада или студентом университета». Звучит это, несколько скандально для академической среды: ведь получается, что философствование – дело не только дипломированных философов, но всех людей, способных рефлексировать. Получается, что студенты и даже дети могут философствовать! Я уже вижу на лицах читателей скептическую, а то и снисходительную улыбку: ой, не перегнул ли палку этот Бренифье со своей «общегородской философией» (термин для сложившейся во Франции и по всему миру практики модерировать профессиональными философами философские дискуссии среди горожан).

Бренифье настойчиво проводит эту линию на демократизацию философствования. Он даже стал известным детским писателем в России! Издательство «Клевер» издало и успешно распространило огромные тиражи его книг по философии для детей. Я неоднократно был и участником и соведущим проводимых Оскаром семинаров для самой разной публики. Люди самых разных профессий и возрастов действительно способны мыслить глубоко и логично (что необычно для них в обычных условиях) под руководством модератора, пользующегося методом герменевтики и методом «сократического диалога» (о принципах которого и пишет Оскар во второй части своей статьи). Почему же так происходит, что те, кто не знает философских концепций, могут на своем уровне философствовать, то есть мыслить, делать логически корректные и довольно глубокие выводы, погружившись с помощью модератора в реальную исследовательскую практику определенного предмета – ситуации, концепта, своих состояний сознания? Потому, что природа человека и природа философии имеют много общего. Не об этом ли говорит Платон, когда создает свою теорию познания как анамнезиса. Как понять платоновского Сократа, который говорит, что все уже всё знают, только забыли? Что за вздор, – думает Менон. В свете метода

«сократического диалога» как основы философской практики, это можно понять так: в природе человека (которая, согласно О. Розенштоку-Хюсси, есть структуры языка) логичность, благодаря которой можно извлечь из своего ограниченного опыта весь опыт человечества. И тогда нужен лишь метод, который платоновский Сократ называет маевтикой. С помощью маевтики могут мыслить и дети. Причем мыслить строго логично. Кстати, для детей это как раз более легко. Этому есть подтверждения в исследованиях детской речи психолингвистами.

Я и сам был свидетелем кристальной логичности ребенка на фоне замутненного стереотипами алогичной речи взрослых. Будучи в бассейне, я наблюдал такую сцену. Мама спустилась в чашу бассейна и обратилась к стоящему на бортике малолетнему сыну, опасливо смотревшего на водную гладь: «Миша, не бойся воды, прыгай в бассейн!». Миша отвечал: «Я воды не боюсь, я утонуть боюсь». В это время подплыл тренер и продолжил странно (по логичному мнению ребенка) общаться с ним: «Михаил! Прыгай! У тебя получится плавать!». Миша прыгнул и пошел ко дну. Тренер умело вытолкнул его наверх и радостно ему сообщил «У тебя получается!». На что Миша ему сказал: «У меня НЕ получается». Здесь мы видим, что ребенок очень логичен, он адекватно идентифицирует аспекты ситуации, в которой находится. Взрослые, конечно, тоже логичны, но только в гегелевском смысле: что «все действительно разумно». Другими словами, они рациональны и прагматичны: они заняты мотивированием Миши. Но делают они это с помощью ложных прогнозов и идентификаций. Формально-логически же прав мальчик Миша. Это потом, вместе с социализацией, Миша приобретет языковые клише – полезные в узко-прагматическом аспекте смысле, но и приводящие к когнитивным искажениям, к запутанности логики высказываний. Профилактикой такой запутанности сознания, когнитивных искажений могла быть практика «сократического диалога» в школах и университетах, для которой хорошо подходят практические занятия в рамках курса философии в университетах. Такую практику и описывает Оскар Бренифье в комментируемой статье. Его подход к обучению философии отличается техничностью.

В чем состоит техническая сторона, или как пишет в статье О. Бренифье – материальность (materiality) философствования?

Первое условие философской деятельности – это вхождение в режим диалога...не псевдиалога (!), когда отвечающий использует вопрос для развития своей высказанной мысли, а реального диалога, правила которого предписывают логически корректно отвечать на вопрос модератора. Требование логической корректности ответа предполагает точное понимание вопроса, что оказывается зачастую непростым для собеседников. Приведу пример такой работы из своей педагогической практики. Во время практикума по теме «Искусство задавать вопросы», заходит опоздавший ученик.

- Почему вы опоздали?
- Извините, я больше не буду.
- Почему вы не ответили на мой вопрос?
- Я ответил.

– Какой вопрос я задал?

– Почему я опоздал?

– О чем, о каком предмете вопрошания все вопросы, начинающиеся с вопросительного слова «Почему»?

– Я не знаю.

Преподаватель задает группе этот вопрос и получает ответ (или говорит сам): «Вопросительное служебное слово «почему» указывает на то, что этот тип вопросов – вопросы о ПРИЧИНЕ чего-либо. Теперь студент осознанно может ответить на первый вопрос («Почему вы опоздали?») или уклониться от ответа на него, но теперь тоже осознанно. Так запускается процесс мышления и социализации [см. подробнее 5].

Этот кейс иллюстрирует идею Бренифье о материальности философствования, которая есть инаковость теоретизирования. Теоретическая философия и ее материальная инаковость не антагонистичны друг другу, но в каком-то смысле они противостоят друг другу – как диалектические противоположности Гегеля, требующие применения инструментов для их синтеза. Таким инструментарием для синтеза философской теории и практики является мыслительно-речевая деятельность по воплощению, материализации или овеществлению теоретических принципов в веществе живой речи и живой социальности в режиме «здесь и сейчас» перед лицом Другого – будь то другой человек или твое второе, рефлексивное Я. Остальное – это не философия, а история философии, учебники по философии, трактаты о философии, но не само бытие философствующего субъекта, о котором М.К Мамардашвили писал так: «Существует такое странное определение бытия в философии: бытие – это то, чего никогда не было и не будет, но что есть сейчас. Как ни странно, вопреки логике языка и наглядному представлению» [3, с. 60].

Трактовка природы философии Мерабом Мамардашвили и Оскаром Бренифье во многом совпадает, потому, что оба они опираются на идею Декарта (восходящую еще к Бл. Августину) о том, что истина (которая одна только и является предметом философии) постигается только тогда, когда есть некий разрыв, остановка, пауза в жизненных (биологических и социальных) процессах. Специфика подхода Оскара Бренифье в том, что это технологический инструментальный подход: автор расчленяет акт философствования на конкретные операции мышления, для «прокачки» которых изобретаются упражнения, применяются методы «сократического диалога» и герменевтики.

Бренифье утверждает, что философская деятельность – это конституирующая деятельность самости, базирующаяся на трёх операциях: идентификации, критики (проблематизации) и концептуализации». Причем этим операциям можно учить с помощью погружения в искусство задавания вопросов. Вопрос – это принципиальная вещь для философствования, для работы мышления. Как верно замечает Мераб Мамардашвили: философствование начинается с того, что философские тексты «как бы индуцируют из себя вопросы. Но, очевидно, первым среди них должен бы быть вопрос, а что же, собственно, является вопросом?» [3, с. 16].

Идентификация – это результат корректного ответа на вопрос: «Что это? (Какова сущность этого предмета?)». Операция идентификации – это одна из фундаментальных основ человеческой жизни, основа того, что Бренифье называет тотальной материальностью (materiality) мира. Действительно, как только человек пробуждается от сна, – где не нужно идентифицировать, потому что ты находишься в блаженстве созерцания мыслеобразов, – он сталкивается с необходимостью идентифицировать мир, т.е. отвечать на вопрос: «Что это такое? Кто это?» по отношению к множеству предметов, включая свое собственное существование. Этот процесс до определенного момента протекает автоматически. Автоматически мы расчлняем с помощью идентификации несущийся на нас поток действительности. Но в жизни много ситуаций, когда автоматика не срабатывает и тебе нужно подключать мышление для идентификации вещей, процессов, явлений, существ. Процедура различания и различения – основная операция и жизни, и философии, которая и есть самая приближенная к существу жизни дисциплина ума.

«Почему вы опоздали?», – задает преподаватель студенту вопрос и после процедур научения идентифицировать явления и быть честным, осознанно отвечает на него: «Потому, что я не хотел идти на лекцию по философии, но пересилил себя». «Почему вы не хотите идти на лекцию по философии?». Так начинается философская работа с обучающимся, осуществляется запуск мышления о своем бытии.

Вопрос «Почему?» – это вопрос на углубление знаний о реальности. Он бесконечен – как бесконечна по Платону погоня за Истиной. Мы охотники, которые никогда не поймают лань, но у которых есть цель охотиться за ней, или как гласит суфийская притча: мы путники на пути к Аллаху, чертогов дворца которого никогда не достичь; а наши относительные истины – это лишь стоянки на этом бесконечном пути. Оскар Бренифье часто использует притчи для работы с группами, отдавая дань традиции сохранения мудрости человечества [6]. Но он всячески избегает метода непосредственной инспирации идей в сознание обучающихся, считая, что первична практика, а не накачка памяти полезными сведениями по истории культуры или философии.

Еще одно из условий практического философствования в режиме диалогической коммуникации-умение идентифицировать, определять предпосылки, на основе которых действует наше собственное мышление и мышление другого. Такие предпосылки в логике и лингвистике называются – пресуппозиции. Пресуппозиции – это мировоззренческие установки, на которые опирается субъект при формировании позиции по тому или иному вопросу. Они составляют основу когнитивных процессов человека. Оставаясь скрытыми для автора высказывания, они влияют на понимание любого предмета, так как они выполняют функцию фреймов или схематизмов его мировидения и мироощущения.

Центральным звеном акта философской практики по Бренифье является дискуссия, развернутая и процедурно строгая критика идей и гипотез, которые рождаются в сознании. Проблематизация опирается на идею о том, что одна проблема – это единственный факт, препятствующий на пути субъекта к его цели или

объекту желания. Чтобы обнаружить среди множества фактов действительности такой мешающий факт, нужно «добросовестно принять критику другого, а это сопряжено с задачей «на мгновение перестать быть собой, стать другим». Зачем становится другим для решения этой задачи? А затем, что как верно говорит А. Эйнштейн: «Нельзя решить проблему с помощью того же сознания, которое ее создало». И нужно добавить, что нельзя её не только решить, но даже увидеть адекватно. Я помню, как мы вели с Оскаром совместно семинар, с предпринимателями, где вышли на проблематизацию. Оскар сказал им, что проблемы – это хорошо, так как проблемы – это точки расширения видения реальности, а значит и точки роста, развития любого предприятия. Предприниматели не приняли этой идеи. Они сказали, что «устали от проблем», и что они хотят, чтобы у них не было проблем. Теперь уже мне пришлось заметить, что, если бы у людей не было проблем, что их медицинский бизнес не был бы нужен и они бы потеряли свой хлеб. «Пусть у людей будут проблемы, а у нас не будет», – сказал один из них. Я задал ему вопрос: «Как может быть так, что у людей есть проблемы, а у вас – нет? Разве вы не люди или не хотите быть людьми?». Тогда мой собеседник сказал фразу, которую я потом много раз слышал от клиентов, которым проводил т.н. «философского интервью» (это диалоговая процедура «раскапывания» их реальных проблем): «На нехорошие мысли вы меня толкаете». Вот эти «нехорошие мысли», – мысли о собственной противоречивости, двойственности своего бытия; о расхождении желаемого и реального, должного и сущего, – это начало философствования.

И наконец, речь в статье идет о концептуализации. Концепт – это оболочка идеи; то, на что опирается мыслительный процесс. «И, хотя концепт кажется завершающей стадией проблематизации, – замечает автор статьи, – он настолько же инициирует рассуждения, насколько и завершает их». Концепты позволяют различать и обобщать, они позволяют понимать, как то, что ты понимаешь, так и то, что ты не понимаешь. Концептуализировать это в том числе и лаконизировать, сжимать свою речь до такого количества слов, которое необходимо для передачи смысла. Лаконичность очень важный принцип философствования, так как этот акт требует огромных ресурсов сознания, памяти. Количество слов напрямую коррелирует с когнитивными возможностями обработки информации человеком.

Таким образом эта статья Оскара Бренифье о том, как в лекционный монологический акт обучения философии может и должен вращаться практический акт, практика диалогического речевого поведения студентов. И если это благое событие происходит, то возникает предписанный деятельностным подходом к образованию синтез знаниевого и компетентностного компонента обучения.

Список литературы

1. Бакштановский В.И. Этика как «практическая философия»: традиционные образы и современные подходы / В.И. Бакштановский. – М.: Знание, 1983. – 64 с.

**ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ:
КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ОСКАРА БРЕНИФЬЕ
«ПРИРОДА ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ»**

2. Баева Л.В., Глазков Е.П. Практическая философия: от классики – до информационного социума всероссийская научная конференция // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prakticheskaya-filosofiya-ot-klassiki-do-informatsionnogo-sotsiuma-vserossiyskaya-nauchnaya-konferentsiya> (дата обращения: 10.10.2021).
3. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию / М.К. Мамардашвили. – М.: Прогресс. 1992. – 418 с.
4. Монастырская И.А. «Грамматический метод» О. Розенштока Хюсси как методология гуманитарных наук // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Мат-лы межд. науч. конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Вып. № 12. СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2001. С. 87-92.
5. Макаров А.И. Социализирующая функция философских практик (на примере метода сократического диалога) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7, Философия и социальные технологии. Научно-теоретический журнал. 2012. № 3 (18). С. 121-125.
6. Бренифье О., Миллон И. Философия с Ходжой Насреддином. – М.: «Клевер-Медиа_Групп», 2013. – 160 с.

Сведения об авторе

Андрей Иванович Макаров – доктор философских наук, профессор кафедры философии Волгоградского государственного университета (ВолГУ)

Andrey Ivanovich Makarov – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Volgograd State University (VolSU)